

Leonid Vladimirovich KURAS* (Russian Academy of Sciences, Ulan Ude, Russia)

«Культурный» Панмонголизм или романтики начала XX в.¹

Ключевые слова: Панмонголизм, Бурятия, Россия, Тибет

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...

Вл. Соловьев «Панмонголизм». 1894 г.

Введение

Истоки социокультурного феномена, каковым является панмонголизм, и негативное отношение к нему, связаны, прежде всего, с представлениями русского философа Вл. Соловьева о «желтой опасности»,² имперскими планами России о необходимости создания буферной зоны между Байкалом и Тихим океаном – «Желтороссии» на рубеже XIX-XX вв., способной защитить европейскую часть империи от «желтого» нашествия³ и, наконец, поражением России в русско-японской войне 1904-1905 гг. Кроме того, пристальный интерес к нему был вызван поэзией представителей «серебряного века»⁴ и произведениями русских символистов,⁵ которые сформировали в обществе целый набор самых различных идей, фобий и представлений об угрозе с Востока. Тем самым Россия и Восток в начале XX в. составляли главный нерв всей русской культуры, выразителями которой стали представители серебряного века.⁶ И ключевым моментом дискуссии вокруг двухполюсной самоидентификации России стал панмонголизм. Все эти аспекты получили серьезное освещение в современной российской историографии.⁷

Дальнейшей эволюцией панмонголизм обязан национальному движению в Забайкалье, появлению идеи культурно-территориальной автономии, возникновению, по словам Б. Барадина, «определенного стремления к национальному объединению и организации, чего раньше в истории бурят-монголов не было»⁸ и дискуссии о развитии бурятского языка.⁹ способствовавшим возникновению «культурного панмонголизма».¹⁰ Все это позволило панмонголизму эволюционизировать в идеологию монгольского мира, а после победы Синьхайской революции 1911 г., превратиться в государственную идеологию.¹¹

* Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies; kuraslv@yandex.ru

¹ Проект № 0338-2015-0001 «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» в рамках Комплексной программы СО РАН № II.2 «Интеграция и развитие».

Project # 0338-2015-0001 “Buryat Ethnicity in Political Projects: from the Russian Empire to Modern Russia” within the frameworks of the Comprehensive Program of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences # II.2 «Integration and Development».

² СОЛОВЬЁВ (1988).

³ ЛЕВИТОВ (1900); ЛЕВИТОВ (1901); ЛЕВИТОВ (1905).

⁴ *Поэзия серебряного века* (1991).

⁵ БЕЛЫЙ (1999).

⁶ МОЛОДЯКОВ (1990).

⁷ КУРАС (2016).

⁸ БАРАДИН (1927).

⁹ БАРАДИН (1927); ЖАМЦАРАНО (1907); КЛЕМЕНЦ (1907).

¹⁰ ЖАМЦАРАНО (1907).

¹¹ КУРАС (2016).

Национальное движение в Забайкалье в начале XX в.

Национальное движение в Забайкалье возникло в начале XX в. под воздействием разрушения былой патриархально-феодальной замкнутости и развивавшихся капиталистических отношений, резкого усиления эксплуатации как со стороны русской буржуазии, так и со стороны «инородческой» полуфеодальной верхушки, растущего национального самосознания и отсутствия права на самоопределение.¹²

Толчком к выражению массового недовольства бурят послужило осуществление царизмом в 1900-1901 гг. новых земельных административных реформ, которые ухудшили положение широких масс коренного населения Иркутской губернии и Забайкальской области: «Главные основания поземельного устройства крестьян Забайкальской области» от 5 июня 1900 г. и «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г. Землеустроительные законы нанесли серьезный удар коренному населению. В колонизационный фонд была передана огромная часть земель без учета интересов бурятского скотоводческого хозяйства. А административная реформа ликвидировала бурятские степные думы и органы родового управления, на смену которым пришло волостное управление во главе с крестьянскими начальниками. Вводилось русское делопроизводство и суд и тем самым упразднялось бурятское самоуправление, законодательно закрепленное Уставом 1822 г. об управлении инородцев. Неприятие законов вылилось в движение, требование которого можно выразить в трех тезисах:

- 1) возвращение отрезанных у бурятского населения земель и ликвидация новых административных органов;
- 2) создание условий для развития национальной культуры, религии и языка;
- 3) предоставление национальной автономии.¹³

Территориально-культурная автономия

После революции 1905 - 1907 гг., несмотря на начавшуюся политическую реакцию в России, отношение к идее панмонголизма со стороны официальных властей начинает меняться к лучшему. Это обуславливалось двумя факторами внешним и внутренним.

Внешний фактор был обусловлен внешнеполитическими интересами Российской империи на Востоке и, особенно в Тибете, чему в немалой степени способствовала религиозная, дипломатическая и общественная деятельность Агвана Доржиева,¹⁴ а также близость бурят и калмыков к тибето-буддийской духовной традиции и ее влиянии на культуру монголоязычных народов, проживавших на территории Российской империи.¹⁵ В этот же период Агван Доржиев, который уже в конце XIX в. высказывался в пользу создания «великой буддийской конфедерации», убедил Далай-ламу XIII искать в лице России защитницу монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии. Интерес России к Тибету особенно ярко прослеживается в письме министра иностранных дел России А.П. Извольского на имя премьер-министра П.А. Столыпина от 12 июня 1908 г.¹⁶

Что касается внутреннего фактора, то он проявился благодаря возникновению, по словам Б. Барадина, «определенного стремления к национальному объединению и организации, чего раньше в истории бурят-монголов не было».¹⁷ При этом сторонники идеи единения монголоязычных народов не претендовали на объединение через территориальную автономию. Фактически, лидеры и теоретики национального движения бурят, наряду с австрийскими социал-демократами К. Реннером и О. Бауэром,¹⁸ а также теоретиком БУНДа М.Я. Лазерсоном,¹⁹ приступили к теоретическому осмыслению этнических общностей на основе территориально-культурной автономии как формы

¹² КУРАС (2011).

¹³ КУРАС (2016) 51.

¹⁴ ДАМДИНОВ (1994); УЛЫМЖИЕВ (1996); ДАМДИНОВ (1999).

¹⁵ ПАВЛОВ (2007).

¹⁶ АНДРЕЕВ (1992) 12.

¹⁷ БАРАДИН (1927) 13.

¹⁸ БАУЭР (1918); РЕННЕР (1909).

¹⁹ ЛАЗЕРСОН (1918).

самоопределения народов. Особенность такой модели самоопределения заключается в том, что она позволяет удовлетворить интересы личности, этнонации и государства, не нарушая территориальной целостности страны и не препятствуя развивающимся интеграционным процессам.²⁰ Особенностью же осмысления проблемы бурятскими демократами стала попытка достичь единения монгольских народов на основе единства религии, которые связывали свои надежды с буддизмом. По сути, теоретики панмонголизма предлагали осуществить один из вариантов экстерриториальной национально-культурной автономии на религиозной основе. Применительно к Забайкалью это было обусловлено еще и незавершенностью процессов образования классов. В свою очередь это обусловило еще одну особенность, которая выражалась в том, что в Забайкалье религия в сознании масс была неотделима от традиционного образа жизни и являлась проявлением национальной общности. «Для нас, бурятских народников, - писал Ц. Жамцарано,- верующих в свой народ, в возможность и неизбежность культурного «панмонголизма» иркутские буряты - это маленькая часть всего монгольского народа - есть только одна из ближайших точек для приложения силы, для проведения идеи возрождения».²¹ Именно поэтому Ц. Жамцарано рассматривал буддизм как «атеистическую религию» способную объединить все монгольские народы и приобщить бурят к «общемонгольской культуре».²²

К сожалению уже тогда, в начале XX в., эту идею осудил В.И. Ленин, который с классовых позиций выступил против «национального» единства пролетариата и буржуазии, ратуя за интернациональную культуру, вбирающую в себя элементы демократической и социалистической культур.²³

Эти идеи не встретили понимания и со стороны одного из лидеров национального движения М.Н. Богданова,²⁴ и со стороны известного ученого и публициста Д.А. Клеменца, который выступил с критикой взглядов Ц. Жамцарано на страницах периодического издания. Он писал, что Жамцарано «желает распространять просвещение при помощи дацанов, т.е. храмов с монастырями и монастырскими училищами. Искренне религиозный человек весьма естественно желает распространить свое вероучение, но отдать в руки людей, отрешившихся от мира, воспитание юношества абсолютно невозможно. Каким руководителем для будущей практической жизни может быть отшельник, отрешившийся от жизни?».²⁵ В свою очередь это вызвало серьезные возражения со стороны Ц. Жамцарано.²⁶

Таким образом, в среде бурятских национальных демократов сложилось, как минимум, два взгляда на проблему национально-государственного строительства – прозападное и собственно национальное. В этой связи в ходе эволюции национального движения возникали разные политические группировки: стародумцы во главе с бывшим тайшой Хоринского ведомства Вамбоцыреновым; партия прогрессивных бурят, лидеры которой и.о. профессора Восточного института Г. Цыбиков, депутат II Государственной думы Б. Очиров и врач Б. Ямпиллов; левое крыло национальной демократии, представленное западниками и крайними народниками. Однако, в данном контексте важным является не наличие разногласий по этой проблеме, а сам факт перехода дискуссии из политического в культурное поле, когда образ врага с Востока, пусть на короткий промежуток, остался за бортом, а панмонголизм переживал «золотой век» своего развития.

²⁰ УЛЬЯНИЦЕВ (2009).

²¹ ЖАМЦАРАНО (1907) 16.

²² ЖАМЦАРАНО (1905).

²³ ЛЕНИН (1913); ЛЕНИН (1914).

²⁴ БОГДАНОВ М.Н. (1907)

²⁵ КЛЕМЕНЦ (1907).

²⁶ ЖАМЦАРАНО (1907).

Дискуссия о перспективах развития бурятского языка через призму панмонголизма

Важной особенностью этого этапа стал поиск единения монголоязычных народов на основе общности языка. Эта проблема нашла достойное отражение в отечественной историографии.²⁷

В оценке поставленной проблемы имелось как минимум три точки зрения. Первую представлял ученый и общественный деятель, получивший европейское образование М.Н. Богданов, который писал, что «буряты проспали свое время», что «теперь ушло уже время изолированных национальных групп, миновала эпоха натурального хозяйства, торговый обмен стал одним из самых важных факторов жизни, что и писатель-художник, и ученый работают исключительно на рынок. Будет ли рынок для сбыта произведений бурятских ученых и писателей достаточно широк для этих работников? Не предпочтут ли они печатать свои произведения на русском или каком-либо другом языке, где они встретят более широкую аудиторию, большее количество ценителей и более умелую оценку? Не будет ли в лучшем случае бурятская литература состоять из жалких и неуклюжих переводов?»²⁸

В качестве основного оппонента М.Н. Богданова выступал монголовед, фольклорист, этнограф и общественный деятель Ц. Жамцарано, который видел будущее бурятского языка в реформе монгольской письменности, в результате которой должен был быть создан единый монголо-бурятский алфавит для обслуживания всех монгольских народов. В этой связи он дал высокую оценку нового алфавита видного буддийского ученого Агвана Доржиева, подготовленного им для всех монголов, в том числе и для бурят. Характеризуя работу Агвана Доржиева, Ц. Жамцарано подчеркивал, что он создал «строго-фонетический алфавит, который смог бы изображать все монгольские наречия, в том числе и бурятские и потому алфавит назван монголо-бурятским». Более того, в новом алфавите, по мнению Ц. Жамцарано, был учтен как исторический опыт развития монгольской письменности, «так и опыт европейских лингвистов». Так, им «принцип палатализации взят из лингвистической азбуки русской академии наук».²⁹

В этой полемике особую позицию занимал видный ученый-востоковед и общественный деятель Б.Б. Барадин, который выступал за латинизацию бурятской письменности. Еще в 1903-1904 гг., в начале своей научной деятельности Б.Б. Барадин задумался над тем, что старомонгольская вертикальная письменность стала архаичной и не может служить графическим изображением всех оттенков многочисленных наречий живого, современного языка, а также отразить основы всех точных наук. Эти мысли переросли в убежденность после научной командировки в Тибет и Монголию в 1905-1907 гг.³⁰ В 1910 г. Б. Барадин первым в бурятоведении печатает книгу, написанную на бурятском языке в латинской транскрипции. В программной части работы он писал: «Нечто ценным, капитальным является язык. Алфавит же, это внешний, условный изобразитель языка не постольку, поскольку он оригинален, национален, а постольку поскольку он обслуживал язык, служит орудием распространения грамотности, иначе – поскольку просто техника его усвоения письма и печатания. Руководствуясь этим нашим определением целесообразности всякого алфавита, мы и составили предлагаемый алфавит».³¹

Следует отметить, что в последующие десятилетия, когда панмонголизм как идеология языкознания, сошел со сцены, само языкознание перешло в сугубо научную плоскость. В этот период Б. Барадин опубликовал работы, которые и сегодня не утратили своего научного значения,³² а вопросы латинизации бурят-монгольской письменности стали предметом специального исследования на уровне докторской диссертации.³³

Следует отметить, что это не была дискуссия, оторванных от реальной действительности, ученых. Так, на страницах «Сибирских вопросов» русский историк и географ, исследователь Сибири,

²⁷ ГОЛЬДФАРБ (1986); БАТУЕВ (1991).

²⁸ БОГДАНОВ (1907).

²⁹ ЖАМЦАРАНО (1907) 18-19.

³⁰ БАРАДИН (1908); БАРАДИН (2002).

³¹ БАРАДИН (1910) 3.

³² БАРАДИН (1912); БАРАДИН (1931); БАРАДИН (1935); БАРАДИН (1929); БАРАДИН (1933); БАРАДИН (1926).

³³ БАЗАРОВА (2006).

деятель Сибирского областничества В.М. Головачев, ссылаясь на Г.Н. Потанина, писал: «По словам Г.Н. Потанина, духовный подъем бурятского общества выражается двумя явлениями. С одной стороны, замечается усиливающееся желание учиться, число бурятских детей, обучающихся в средних учебных заведениях, возрастает; это течение захватило и женскую часть населения: в иркутских женских гимназиях учатся в настоящее время более десятка бурятских девочек; даже в Чите появилась одна бурятка. В населении пропагандируется полезная мысль об учреждении бурятских стипендий при высших учебных заведениях. С другой стороны, у бурятской молодежи замечается стремление изучать свой народ».³⁴ Поэтому сама дискуссия по вопросу о развитии бурятского языка являлась отражением действительности и потребности общества в развитии бурятского языка.

В череде видных ученых, в последующем лидеров национального движения бурят, следует выделить еще одного участника дискуссии, который придал полемике всероссийскую известность и способствовал переносу этой дискуссии на страницы столичного периодического сборника «Сибирские вопросы», выходившего в течение 1905-1906 гг. ежемесячно и в течение 1907-1913 гг. – еженедельно. Это – Дмитрий Александрович Клеменц, революционер-народник, ученый и публицист. В статье «Пессимизм на бурятской почве» он высказался против идеи Ц. Жамцарано о распространении просвещения через буддийские дацаны: «Искренне религиозный человек весьма естественно желает распространить свое вероучение; но отдать в руки людей, отрешившихся от мира абсолютно невозможно. Каким руководителем для будущей общественной жизни может быть отшельник, отрешившийся от жизни?».³⁵ В то же время, полемизируя с М.Н. Богдановым, который ставил на одну доску шаманизм и буддизм, Д.А. Клеменц дает высокую оценку буддизму как энциклопедии знаний: «Буддизм имеет обширную литературу и не только религиозную. В кодекс его входят сочинения философские, математическо-астрономические, исторические. Изучение всего этого давало... выработку логического мышления». Кроме того, буддийская литература «образует собой целую энциклопедию, в ней кроме религиозных сочинений, есть и научные, из нее черпали свои сведения медики, юристы, звездочеты».³⁶

Заключение

Конечно, различные взгляды и подходы у лидеров национального движения на проблему панмонголизма, как консолидирующей идеи, находились лишь в стадии поиска. Но в то же время панмонголизм, используя возможности буддизма, стал важнейшей составляющей формирования бурятской письменности. При этом профессор Н.Л. Жуковская справедливо считает, что «развивавшийся под контролем местной администрации бурятский ламаизм не мог превратиться в такую политическую силу, какой он стал в Монголии. Жизнь в рамках государства, официальной идеологией которого было православие, обязывала постоянно помнить о бдительном оке православной церкви, о ее миссиях и ведомствах, действовавших на территориях, заселенных бурятами в Забайкалье и Предбайкалье».³⁷ Но именно поэтому небольшой промежуток времени после поражения Первой российской революции 1905-1907 гг. можно смело назвать «золотым веком» панмонголизма:

во-первых, потому, что впервые панмонголизм, как политический феномен, превратился в «культурный панмонголизм», став катализатором развития гуманитарных знаний, имевший определенный налет романтизма;

во-вторых, потому, что носители панмонголизма в лице творческой бурятской интеллигенции сосредоточили свое внимание на бурятском языке, дискуссия о перспективах развития которого, стала базовым элементом будущего национально-государственного строительства;

в-третьих, потому, что дискуссии о развитии бурятского языка удалось выйти за пределы собственно бурятского ареала и сделать ее достоянием широкой общественности Российской империи.³⁸

³⁴ ГОЛОВАЧЕВ (1907) 139-140.

³⁵ КЛЕМЕНЦ (1907) 10.

³⁶ КЛЕМЕНЦ (1907) 8, 10.

³⁷ ЖУКОВСКАЯ (1994) 13.

³⁸ СЕНИНА (2008); ЛЕДОВСКИХ (2008).

В-четвертых, потому, что в этой ситуации панмонголизм реально проявился как форма бурятской этничности.

В-пятых, потому, что в процессе дискуссии начала вызревать идея панмонгольского движения, которое затем переросло в идеологию панмонголизма.

Библиография;

- АНДРЕЕВ А. И. (1992), *Из истории Петербургского буддийского храма* // Буддизм и Россия. Вып. 1 [альманах]. СПб., С. 6-37.
- БАЗАРОВА В. В. (2006), *Латинизация бурят-монгольской письменности: опыт культурно-исторической модернизации в 1920-х-1930-х гг.* Автореф. диссерт. д.и.н. Улан-Удэ, 46 с.
- БАРАДИН Б. Б. (1927), *Бурят-Монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности*, Верхнеудинск.
- БАРАДИН Б. Б. (1992), *Бурятский язык и литература* // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., Т. 8. С. 681-682.
- БАРАДИН Б. Б. (1926), *Вопросы квалификации монгольской языковой культуры* // Материалы первого культурно-национального совещания Бурят-Монгольской АССР. - Верхнеудинск.
- БАРАДИН Б. Б. (1929), *Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры* // Всесоюз. центр. ком. нового тюрк. алфавита. Баку.
- БАРАДИН Б. Б. (1933), *Грамматика нового бурят-монгольского литературного языка: Фонетика. Графетика. Морфетика. Фразетика* / Бурят-Монг. ин-т культуры / сектор яз. и лит. – Верхнеудинск: Бургосиздат. 96 с. [латин. шрифт].
- БАРАДИН Б.Б. (2002), *Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906—1907 гг.)* / подготовка к публикации, введение, комментарий Ц. П. Ванчиковой / науч. ред. Ш. Чоймаа. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 256 с.
- БАРАДИН Б. Б. (1931), *Краткое руководство по грамматике и графетике нового бурят-монгольского литературного языка: [8 таблиц]* / Бурят-Монг. гос. ин-т культуры. – Верхнеудинск: Бургосиздат. 76 с.
- БАРАДИН Б. Б. (1926), *Монгольская письменность, как орудие культурного строительства Бурятии* // Материалы первого культурно-национального совещания Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск.
- БАРАДИН Б. (1910), *Отрывки из бурятской народной литературы*. - СПб.
- БАРАДИН Б. (1908), *Путешествие в Лавран: буддийский монастырь в северо-восточной окраине Тибета в 1905—1807 гг.* // Известия ИРГО. СПб., Т. 19, вып. 4. С. 183-232.
- БАРАДИН Б. Б. (1935), *Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе: с крат. объяснениями* / Бурят-Монг. гос. ин-т культуры. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во. 195 с.
- БАТУЕВ Б. Б. (1991), *Базар Барадин Штрихи к политической биографии* // Неизвестные страницы истории Бурятии (Из архивов КГБ). Улан-Удэ. С. 6-22.
- БАУЭР О. (1918), *Национальный вопрос и социал-демократия*. - М. 654 с.
- БОГДАНОВ М. Н. (1907), *Бурятское «возрождение»* // Сибирские вопросы: периодический сборник. - СПб. № 3. С. 38-49.
- ГОЛОВАЧЕВ П. Г. (1907), *Пробуждение инородцев* // Сибирские вопросы: периодический сборник. СПб. № 2. С. 139-140.
- ГОЛЬДФАРБ С. И. (1986), *Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист*. – Иркутск. 178 с.
- ДАМДИНОВ А. В. (1999), *Агван Доржиев: дипломат, общественный и религиозный деятель*. Улан-Удэ. 136 с.
- ДАМДИНОВ А. В. (1994), *Роль А.Доржиева в установлении дружественных отношений Тибета с Россией* // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность: Тез. и мат-лы докл. респ. науч.-практ. конф. Улан-Удэ. 133 с.
- ЖАМЦАРАНО Ц. (1907), *Бурятское народническое движение и его критик* // Сибирские вопросы: периодический сборник. - СПб. № 21. С. 16-21; № 23. С. 17-20; № 24. С. 15-20; № 25. С. 15-21.
- ЖАМЦАРАНО Ц. (1905), *О правосознании бурят* // Сибирские вопросы: периодический сборник. СПб. № 2. С. 167-184.
- ЖАМЦАРАНО Ц. (1905), *О том, как развивалось самосознание и правосознание сибирских инородцев — бурят* // Право. № 48-49.
- КЛЕМЕНЦ Д. (1907), *Пессимизм на бурятской почве* // Сибирские вопросы периодический сборник. - СПб.: В.П. Сукачев, №10.- С. 10. С. 7-28.

- КУРАС Л. В. (2012), *Общественно-политическая мысль, национальное и аграрное движение бурят в начале XX века* // Власть. № 8. С. 149-152.
- КУРАС Л. В. (2011), *Подъем национального движения бурят. Политические группировки и съезды бурят 1905-1906 годов* // Власть. № 4. С. 140-143.
- КУРАС Л. В. (2016), *Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в.* [монография] / науч. ред. М.Н. Балдано. Иркутск. 252 с.
- ЛАЗЕРСОН М. Я. (1918), *Национальный вопрос и государственное строительство (Юридико-политические очерки)*. - Пг. 98 с.
- ЛЕДОВСКИХ А. Ю. (2008), *Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX в.* Автореф. диссерт. к.и.н. Омск, 26 с.
- ЛЕНИН В. И. (1913), *Критические заметки по национальному вопросу* // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113-150.
- ЛЕНИН В. И. (1914), *О праве наций на самоопределение* // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255-320.
- ПАВЛОВ П. А. (2007), *Духовные связи российских буддистов с Тибетом в конце XIX – начале XX в.* Автореф. диссерт. к.и.н. СПб. 24 с.
- РЕННЕР К. (1909), *Национальная проблема (борьба национальностей в Австрии)*. СПб. 293 с.
- СЕНИНА Е. А. (2009), *«Инородческий» вопрос» на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века*. Автореф. диссерт. к.и.н. Иркутск, 29 с.
- УЛЫМЖИЕВ Д. Б., ДАМДИНОВ А. В. (1996), *Общественная деятельность Агвана Доржиева* // Монголоведные исследования : [Сб. ст.] Вып. 1. Улан-Удэ. 125 с.
- УЛЬЯНИЩЕВ П. В. (2009), *Автономия как конституционно-правовая гарантия прав народов в многонациональном государстве*. Автореф. диссер. к.ю.н. М. 30 с.

Summary

A «cultural» Pan-Mongolism or the Early Twentieth-Century Romanticists

This paper examines Pan-Mongolism, a socio-cultural and political phenomenon negatively perceived from the outset. This notwithstanding, Pan-Mongolism occupied a special place in ethnic Buryatia. Its development was strongly influenced by the Buryat national movement in the early twentieth century that pursued national autonomy as its major goal.

To a great extent the development of Pan-Mongolism was intensified by the foreign policy interests of Russia in Asia, particularly, in Tibet, and by the religious, diplomatic and public activity of Dalai Lama 13th mentor Agvan Dorzhiev, a proponent of a “great Buddhist confederation” that ensured positive attitude of the principal hierarch of Buddhism toward Russia.

External factors that contributed to the emergence of the idea of national-cultural autonomy and “cultural Pan-Mongolism” in the period when various political groups and autonomist scenarios shaped played an important role in the evolution of Pan-Mongolism.

All this led to the fact that “cultural Pan-Mongolism” became a catalyst of development of humanitarian knowledge, a basic element of the further construction of national state of the Mongols. In the process of discussion Pan-Mongolism went beyond the Buryat area and started to ripen as a Pan-Mongolian movement that gradually grew into Pan-Mongolism ideology.

Keywords: Pan-Mongolism, Buryatia, Russia, Tibet